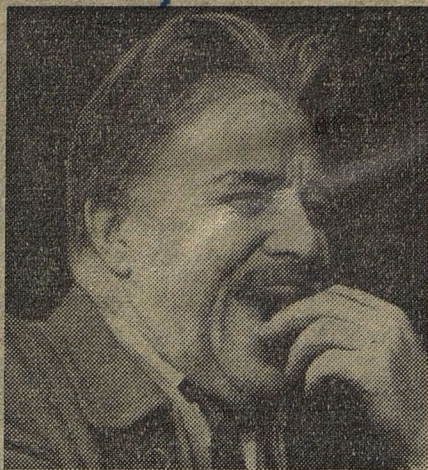

Артист В. Орлов в роли академика Дронова

Фото М. Трахмана

Что остается людям?

В. ФРОЛОВ

ХОРОШО, что у нас появляются пьесы, которые не оставляют зрителей в плену равнодушия, а вызывают острую полемику. И в зале театра, и на совещаниях, и даже в печати. Что ж, искусство, если оно настоящее, всегда затрагивает умы, возбуждает дискуссии, сталкивает разные мнения. Этого не стоит пугаться: истина, как известно, познается в спорах.

Пьеса С. Алешина «Все остается людям» и спектакль Художественного театра вызвали при своем появлении острую полемику. Было много нареканий и в адрес автора, и театра. А спектакль между тем шел, и шел с успехом. Похоже, что он выдержал «испытание зрителем». Симптоматична с этой точки зрения недавняя постановка пьесы в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. Она имеет шумный успех. Видимо, пришла пора, отбросив излишнюю полемичность, спокойно разобраться в причинах успеха пьесы С. Алешина и спектакля Художественного театра, трезво проанализировать их сильные и слабые — а такие тоже имеются — стороны.

Автор и театр, не скрывая своих позиций, приглашают зрителей поспорить и поразмыслить о многих очень важных проблемах. И о том, как прожить жизнь, чтобы осталось людям доброе и значительное, и об отношении к религии, и о том, каково назначение человека в сегодняшнем социалистическом обществе, в великом семилетии, когда на глазах всего изумленного мира мы начинаем новую, коммунистическую эру. Может быть, правы те, которые считают, что на все эти вопросы пьеса не дает исчерпывающего и полного ответа. Но ведь в драме Алешина и в спектакле герои как раз и заняты поисками верных решений: поисками, подчас мучительными, требующими душевной отдачи, напряженной работы мысли. Уже одно это заслуживает того, чтобы поддержать усилия театра, поверившего в пьесу, отстоявшего ее в полемике от несправедливых нападок со стороны журнала «Театральная жизнь» — последний дважды выступил против пьесы, увидел в ней лишь «односторонний взгляд на действительность» и по существу возражал против ее постановки.

Философский, глубокий по мысли спектакль-диспут поставил МХАТ (режиссер Г. Конский). Он не ставит всех точек над «и», не собирается давать рецепты на все случаи жизни. Театр обращается к зрителям с беспокойной мыслью о смысле жизни. Как прожить жизнь? Укрыться в кусты или смело отстаивать свою веру в человека? Равнодушно взирать на людей или воинственно открыто вступить в бой против философии нытиков, церковников, отстаивать чистоту большой, одухотворенной жизни? Что после тебя останется людям?

Главный герой спектакля академик Дронов, роль которого прекрасно играет В. Орлов, живет напряженной духовной жизнью. Артист создает крупный характер, характер мыслящего героя нашего времени. Да, Дронов понимает: его смерть близка, болезнь неумолима. Но Орлов почти не играет обреченного. Напротив, и в этом, мне кажется, огромная победа актера: исполнитель подчеркивает влюбленность своего героя в жизнь. Хлопочут врачи, суетятся родные, но он, Дронов, борясь со смертью, особенно спешит жить, работать, он не хочет терять времени.

Дронов—Орлов — человек открытого и чистого сердца, спокойного ума. О таких в народе говорят — до-

тошный. Ему до всего есть дело: он — депутат Верховного Совета, его очень волнуют и жалобы колхозников из поселка Марфино, которые по вине местных головоулов остались без электричества, и судьба скромного учителя, и еще многое другое. Но более всего он занят своим двигателем — делом всей жизни. Он понимает: сам он уже не успеет закончить его. Но кто завершит работу, кому доверить заветную синюю папку с чертежами?

С этого вопроса, собственно, и начинается спектакль, и ответом на него как бы завершаются поиски академика Дронова.

У академика есть верные ученики — трое близких ему людей: Морозов, Румянцев, Вязьмин. И каждый из них в спектакле раскрывается по-разному. Морозов на время стал исполнять обязанности директора научно-исследовательского института. Трус по натуре, он спасовал перед первыми же трудностями: не ладилось с двигателем при испытаниях. И чтобы застраховать себя, пошел на подлость, написал в правительстве заведомо ложное письмо.

Алеша Вязьмин, милый, честный парень, оказался душевно нестойким человеком. Его подозревают в обмане, и он решает покончить с собой, пишет прощальное письмо Дронову. Но здесь в квартиру к Вязьмину приходит Дронов. В этой сцене Орлов потрясает какой-то удивительной человечностью, нежностью и одновременно яростно веселым темпераментом бойца. По пустой комнате ходит человек. Он только что встал с постели, явился сюда украдкой от домашних и от врачей, явился потому, что знал — необходимо сейчас же помочь Вязьмину. Он распаляет пронзительного хозяйственника Трошкина, поспешившего выселить Вязьмина из институтской квартиры, торжественно обещавшего Алешу, со стариковской галантностью успокаивает его мать.

И вдруг письмо. Читает его Орлов—Дронов, снова всматривается в строки, не понимая, в чем дело, и вдруг пошатнулся, и тревожно, будто он потерял самое важное, кричит: «Алексей Николаевич! Алеша!..» Всего несколько секунд идет эта сцена, а секунды кажутся вечностью. Вбежал Вязьмин, и Дронов его обнимает, целует, трясет, будто не верит, что Алешка жив.

И все-таки Вязьмин погиб. Нелепо, случайно. Кто же остался? Кому в руки отдал Дронов факел своей жизни? Румянцевой? Но не она ли повинна в смерти Вязьмина? Не она ли своим холодным недоверием подтолкнула Алешу к пропасти? Только после того, как Дронов убедился, что Румянцева никогда больше не оскорбит человека недоверием, ученый отдал ей заветную синюю папку. Ошибившемуся поверить можно, сподличавшему — никогда.

Этим сложным сюжетным коллизиям, столкновению различных характеров все время сопутствует, как бы комментируя события, обнаженный философский спор, который ведут в спектакле академик Дронов и его дальний родственник — священник Серафим. Роль Серафима с блеском исполняет Ю. Кольцов. Именно Орлов и Кольцов создают ту напряженную интеллектуальную атмосферу, которая окутывает этот спектакль, все время заставляя зрителя не только чувствовать, но и думать, размышлять.

Идет диспут о назначении человека, о вере, диспут напряженный и драматический. Подобные конфликты имеют традиции в советской драматургии.

Мы можем вспомнить горьковского Егора Булычова и его спор с отцом Павлином о жизни и человеке, «Страх» и «Далекое» Афиногенова. По существу, и вся пьеса Алешина — ответ на религиозную философию: кому верить? Усыпительной лжи поповских проповедей или человеку, духовный мир которого закаляется в борьбе за торжество идей социализма и подлинной гуманности? Но в пьесе драматург как бы побаивается прямо и открыто связать проповедь Серафима с проступком Морозова, хотя и тот, и другой — одного поля ягоды.

Да, спектакль «Все остается людям» не безупречен, не свободен от недостатков. В нем много неровного. Если Ю. Кольцов — Серафим и С. Пилевская (жена Дронова) играют с той же силой и страстью, что и Орлов, то остальные исполнители далеко не поднимаются до этого уровня.

Но, конечно же, главное — это просчеты драматурга. В расстановке конфликтных сил драматург многого не договаривает. Так, всю жизнь Дронова преследует некто Фомин: это он «выжил» из Москвы академика, с ним не хочет перед смертью видеться Дронов; этот же Фомин приезжает во главе комиссии, когда обнаружились неполадки с дровновским двигателем. Все время где-то рядом с сценой, как коварный демон, идет по пятам нашего героя Фомин. Но кто он такой, этот Фомин? Почему обладает столь могучей силой, почему угрожает прославленному академику, — нам так и не ясно. Я понимаю, драматургу хотелось заглянуть в предысторию того, что теперь происходит в пьесе. Но, заглянув в прошлое своего героя, Алешин увидел только мрачную тень злодея Фомина. Не мало ли этого для столь сильной, многогранной личности, какой является Дронов?

Есть в пьесе и известный рационализм. Вспомним хотя бы спор Дронова с Серафимом. В «Егоре Булычове» спор с попом был необходим, он выте-

кал из сущности характера заглавного лица пьесы. А у Алешина? Сидят два человека, играют в шахматы и как-то очень спокойно беседуют. Идет сражение мысли, ума за что-то очень важное, но не очень веришь, что это мотивировано, подготовлено обстоятельствами. Так надо драматургу, но «надо» — это еще не всегда «необходимо».

Пьеса начинается с конца. Прием сам по себе хороший, но осуществлен он не совсем удачно. В самом деле, в первой картине зрители видят кабинет Дронова: суетятся люди, а рядом в комнате лежит академик. Автор должен, как в старину говорили, «представить» действующих лиц. И они проходят почти все: домработница, медсестра, секретарь, Румянцев и академик Моргунов — персонаж совершенно «служебный», введенный только для усиления положительного лагеря. Не появляется только Дронов. Но его успели «представить» другие. Так выглядит первая картина. Во второй — действие происходит восемь месяцев назад. Тут только и начинается драма, завязка ее занимает первый акт. Прошел весь спектакль, и последняя картина опять возвращает нас к тому, что произошло вначале. Получилась своеобразная кольцевая композиция, но первое действие, пожалуй, растянуто (впрочем, может быть, здесь вина и театра), его смотреть скучновато.

Каков же итог? На сцене МХАТа появился острый, заставляющий переживать, спорить и думать, спектакль о современности. Могучий характер мыслителя, борца, искателя истины рисует В. Орлов. И не будем кривить душой — по справедливости это заслуга и актера, и драматического писателя, создавшего столь интересный образ. Однако та же справедливость требует сказать и о тех серьезных просчетах, которые есть и в драме, и в спектакле.

Что же перевешивает в оценке — плюсы или минусы? Для меня ответом на этот вопрос была та напряженная тишина в зрительном зале и во время первого, и во время пятого, десятого спектакля, тишина, которая приходит лишь тогда только, когда и театр, и зритель думают об очень важных, жизненно важных проблемах.

310